

Василий Арсеньев

Джек-потрошитель

18+

Василий Арсеньев
Джек-потрошитель

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Арсеньев В.

Джек-потрошитель / В. Арсеньев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Осенью 1888 года Лондон, эту «столицу мира», всколыхнула серия загадочных убийств. Вскоре в Центральное агентство новостей поступило письмо от человека, который явно знал подробности этих преступлений и предупреждал, что они продолжатся... В конце своего послания он оставил подпись - «Джек-потрошитель». Кто же тот неуловимый преступник, который ускользнул от правосудия в викторианскую эпоху? Настоящая повесть открывает новый (и заключительный) цикл произведений, составляющих трехчастную сагу "Исход". Это книга о торжествующей смерти и надежде, что никогда не умирает...

Содержание

Пролог	6
Часть первая. Убийства в Уайтчепеле	12
Глава первая. Мясник	12
Глава вторая. Кожаный фартук	19
Глава третья. Двойное событие	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Василий Арсеньев Джек-потрошитель

*Кто возвышает себя,
тот унижен будет,
а кто унижает себя,
тот возвысится.*

Евангелие от Матфея 23:12

*Если мир подлунный сам
Лишь во сне явился нам,
Люди, как не верить снам?
Льюис Кэрролл Алиса в Зазеркалье*

Пролог

2 февраля 1901 года. Лондон.

Это был особенный день для жителей города, который тогда еще называли Столицей мира...

Постоялец отеля на Монтэгью-стрит ночью не сомкнул глаз, прислушиваясь к шуму дождя за окном. Когда дождь под утро перестал, с улицы донесся стук колес проехавшего где-то рядом экипажа. Светало. Поднявшись с примятой, но так и не расправленной постели, он подошел к окну и, выглянув наружу, увидел обнаженные деревья в саду, что дрожали на ветру, и небо, плотно затянутое облаками, нависавшее над мокрыми и грязными от слякоти мостовыми.

Наш незнакомец был человеком лет сорока на вид, худощавым и стройным, с правильными чертами лица и ухоженной бородой. Он носил темную куртку и кепи на коротко стриженной голове. В общем, ничего особенного или примечательного не было в его внешнем облике. Такой пройдет мимо, и не запомнишь его лица.

В то раннее промозглое утро он вышел из отеля и двинулся по тротуару к стоянке кэбов...

Город пробуждался ото сна. На улицах, где проезжал кэб, в который сел наш незнакомец, становилось все многолюдней. Повсюду как-то особенно суетливо сновали люди. В воздухе царил как будто праздничная атмосфера. Казалось, весь город занят мыслями о предстоящем торжестве, – о том, что запомнится надолго.

В Лондоне в то унылое мрачное утро и впрямь готовилось торжество, но торжество в духе уходящей эпохи. Той эпохи, которую олицетворяла одна маленькая полнотелая женщина в черном платье и шали, брошенной на плечи, – та, что почти сорок лет своей жизни провела в трауре по рано ушедшему на покой мужу и вдали от всякой городской суеты.

Прошло уже тринадцать лет, как ее пышно, с помпой встречали в Лондоне по случаю юбилея. Теперь она в последний раз выбралась из своего уединения, чтобы посетить этот Город, столицу империи, где, как тогда говорили, «никогда не заходит солнце».

Эту властную женщину с упрямым и несгибаемым характером Город приветствовал так полюбившимся ей трауром. По словам современника, «Лондон был окутан туманом и крепом. На каждой витрине можно было увидеть черное полотнище. Даже уличные подметальщики украсили крепом свои метлы...».

Пассажир кэба равнодушно вглядывался в это мрачное убранство города, и его лицо не выражало никаких чувств. Издалека до его слуха долетел гудок паровоза, сопровождаемый стуком вагонных колес. У вокзала в это время стройные ряды гвардейцев, как на параде, красовались своими разномастными мундирами, шлемами и причудливыми головными уборами с перьями, трепетавшими на ветру. Большая группа гражданских лиц, состоявшая явно из важных персон, на фоне блистательных солдат в своих мрачных одеяниях и цилиндрах напоминала стаю черных каркающих ворон. Но, когда началось движение, удивительная и как будто даже торжественная тишина повисла в пропитанном городскими ароматами холодном лондонском воздухе, по которому вдруг поплыл дубовый ящик, покрытый белым полотном. Это было последнее пристанище той маленькой женщины, олицетворявшей уходящую в прошлое эпоху. Имя этой женщины – королева Виктория...

Гроб с ее телом солдаты водрузили на пушечный лафет. Грянул гром военного оркестра, заиграл марш. Началось мрачное торжественное шествие. Похоронный кортеж двинулся по мокрым от слякоти улицам Лондона – через Пимлико и мимо Букингемского дворца, вдоль Пикадилли и Гайд-парка до вокзала Паддингтон. В сопровождении конных и пеших гвардей-

цев в свой последний путь отправилась британская королева, а вместе с ней – и вся последняя блистательная эпоха в истории «владычицы морей».

Очевидец писал: «Под серым небом, которое вот-вот, казалось, брызнет мелким дождем, темная толпа собралась посмотреть на пышное шествие. Добрая старая королева, богатая добродетелью и летами, в последний раз вышла из своего уединения, чтобы устроить Лондону праздник». Отовсюду «стекался народ на улицы, по которым сейчас с мрачной помпой и в пышном параде пройдет смерть. Медленно приближалась музыка и погребальное шествие, и наконец, среди всеобщей тишины длинная процессия влилась в ворота парка... Вот он, катафалк королевы, – медленно плывущий мимо гроб Века!»

Гайд-парк... Полстолетия минуло с тех пор, как здесь принимали гостей, со всего света приехавших ради первой Всемирной промышленной выставки, что проходила в знаменитом специально выстроенном на этот случай Хрустальном дворце. Посетителям выставки тогда было представлено немало чудес техники: от револьвера Кольта до макета парохода...

С тех пор много воды утекло! Научный прогресс, идущий семимильными шагами, устремился далеко вперед. Вместе с разветвленной сетью железных дорог, которые опутали все передовые страны цивилизованного мира. Вместе с дымящими трубами промышленных гигантов, которые стали непременным атрибутом ландшафта всех крупных городов. За это же время фотография прочно вошла в жизнь людей, а братья Люмьер, показав «Прибытие поезда», стали отцами-основателями кинематографа. Англичанин Александр Белл в Америке запатентовал устройство электрической связи, ставшее известным как «телефонный аппарат». Появились новые науки, такие как криминология и криминалистика, использующие новые методы розыскной работы – дактилоскопия мало-помалу становилась привычной практикой в деятельности сыщиков. В эти годы ученые-естествоиспытатели потеснили с пьедестала гуманистариетов. Отныне физика и биология задавали тон всей научной деятельности. Но если уравнениям Максвелла еще только предстояло получить широкое общественное признание, то теория Чарльза Дарвина уже стала весьма популярной в научном мире. Хотя все еще оставались скептики, подвергающие сомнению идеи великого англичанина, особенно о борьбе за существование как ведущей силе эволюции...

Список достижений просвещенного 19 столетия был бы не полным, если не назвать изобретение велосипеда и успехи в области контрацепции. Да-да, именно в викторианскую эпоху, известную своими добродетелями и весьма строгими моральными устоями, стали изготавливать презервативы.

Во второй половине века, благодаря развитию средств связи и транспорта, время необыкновенно ускорилося. Но это было только начало. Появление двигателя внутреннего сгорания стало предвестием совершенно новой эпохи – эры автомобилей. Уже в начале нового двадцатого века они были отнюдь не редким явлением в крупных городах, тем более, в «столице мира» – Лондоне. Самодвижущаяся повозка без лошадей. Под колеса одного из этих чудес техники, сойдя с «хэнсома», едва не угодил наш бородатый незнакомец. Раздался предупреждающий гудок, и мужчина, машинально отпрянув в сторону, невозмутимо двинулся вперед, оставив без внимания неприличный окрик водителя автомобиля.

Кэбмен остановил свою гнедую лошадку на Оксфорд-стрит, поэтому до Гайд-парка, через который пролегал маршрут похоронного кортежа, бородач добирался пешком. Улица, по которой он шел, была полна народа, – люди, преодолевая холодный порывистый ветер, спешили проститься со своей королевой. С фонарем свисали лавровые венки, все вокруг было украшено фиолетовыми бантами и гирляндами из белого атласа.

Наш незнакомец оказался перед оградой Гайд-парка в окружении весьма пестрой толпы! Там были женщины всех возрастов, что надели вуали, но особенно трогательно траур смотрелся на проститутках, чье существование старая королева всегда отрицала...

Мальчишки, взобравшись на платаны, болтали, как мартышки, бросались сучьями и апельсинными корками.

В общем, люди из городских низов обступали нашего бородача со всех сторон. Они ели бутерброды, стряхивая крошки. Толпа шумела вокруг него, голося на лондонском просторечии. Все это невольно вызвало в душе у него раздражение и желание вырваться отсюда, из этой тошнотворной среды... Но вот-вот должна была показаться процессия! Он стоял на месте, оглядываясь по сторонам. И вдруг по другую сторону дороги увидел высокого осанистого господина в мягкой шляпе, с усами и густыми бровями, из-под которых пристально прямо на него смотрела пара темных глаз. Взор этих глаз пронзал и обжигал его. Он почувствовал, как все внутри него похолодело, а потом его обдало жаром. Краска бросилась в лицо его. И, словно преступник, застигнутый на месте преступления, он поспешно заработал локтями, пытаясь протиснуться сквозь толпу наружу. Однако, в этот миг до слуха всех собравшихся перед оградой Гайд-парка долетели звуки военного оркестра, играющего торжественный и жутковатый похоронный марш...

Толпа тотчас притихла. Как писал современник, «медленно приближалась музыка и погребальное шествие, и наконец, среди всеобщей тишины длинная процессия влилась в ворота парка... Вот он, катафалк королевы, – медленно плывущий мимо гроб Века!» При виде его люди обнажали головы, снимая свои шапки.

«Крохотный гроб, задрапированный нежнейшим белым атласом и увенчанный королевскими регалиями, – от этого зрелища веяло невинностью, чистотой и женственностью, присутствующей той, что спала под покровом», – мог бы подумать наш незнакомец, когда гвардейцы в алых мундирах и медвежьих шапках, – из почетного караула Букингемского дворца, – поравнялись с тем местом, где он находился. Время для него как будто остановилось. Он провожал глазами гроб, лежащий на лафете, пока тот не скрылся от его взора за спинами военных в мундирах, шлемах и шапках, шествующих строем как на параде.

«Таково было ее желание. Она сама все это распланировала», – подумал он и усмехнулся своей мысли. – Все, как всегда... – сказал он вслух, но его голос утонул в громе печальной музыки. Процессия отдалялась, звуки оркестра почти стихли, народ, между тем, стал быстро расходиться, а он все еще продолжал стоять на месте.

Оглянувшись по сторонам, мужчина вдруг очнулся как бы от долгого забытья и увидел, что вокруг – ни души. Тогда он устремился назад, туда, где кэбмен высадил его.

Наш незнакомец, погруженный в свои размышления, совсем позабыл о том, чье внезапное появление давеча привело его в такое смущение, что заставило искать пути к бегству. Когда вдруг у тротуара, где он шел, остановился крытый экипаж, дверца которого отворилась. Изнутри высунулось лицо с усами и густыми бровями, и появилась рука в перчатке, что сделала приглашающий жест. Тогда, недолго думая, он огляделся по сторонам и исчез внутри кэба. Едва дверца захлопнулась, кучер погнал лошадей рысцой, однако затем по сигналу своего клиента несколько осадил их, замедлив движение...

Теперь наш незнакомец сидел напротив осанистого господина с пристальным взглядом. Казалось, этот господин видит тебя насквозь. По крайней мере, в первый миг этой встречи мужчина чувствовал себя неловко.

– Как вы меня узнали? – спросил он, пытаясь справиться со своим смущением.

– Да, вы несколько изменились за эти годы, – отозвался осанистый господин. – С бородой, возмужали... Но вас выдал все тот же холодный взгляд стеклянных глаз. Только не обижайтесь на мои слова.

– Вы что, знали... обо всем? – мужчина таинственно понизил голос.

– Догадывался... Это она вам помогла скрыться ото всех? – спросил господин, выделив голосом слово «она» и кивнув в сторону вокзала Паддингтон, куда двигалась похоронная процессия. (Его спутник только молча качнул головой). – А как же та, которую вы любили? Надеюсь, с ней все в порядке?

– Да.

– Я не слышу прежнего энтузиазма в вашем голосе, – мрачно заметил осанистый господин. – Что-то не так?

– Все в порядке, – слабо, как будто болезненно улыбнулся его попутчик. – Она здорова, – и это главное! Но пережитое в те мрачные дни не прошло бесследно для нее. Она потеряла нашего первенца, – это был мальчик, – а потом оказалось, – он вздохнул, – что больше не может иметь детей...

Осанистый господин покачал головой:

– Сожалею об этом. Но все-таки вы получили то, о чем мечтали тогда? Не так ли?

– Пожалуй, да, – задумчиво проговорил его попутчик. – Покой, которого мы с ней заслужили, – мы обрели его... А как насчет вас? Я слышал о том, что случилось в прошлом году, – в Южной Африке. Ваше имя опорочено. Мне очень жаль, что все так получилось!

Осанистый господин вмиг помрачнел при одном упоминании о войне с бурами.

– Ну, надо же было кого-то сделать «козлом отпущения»! И выбор пал на меня, – проговорил он раздраженно. – Впрочем, не будем об этом. Сегодня видел вашего отца...

– Да, неужели? – усмехнулся его собеседник. – Наверное, он очень доволен, что, наконец, его желание исполнилось...

– Вероятно. На его лице играла торжествующая улыбка. Впрочем, что ни говори, он умеет привлечь к себе людей. Его любят!

– Он просто лицемер, – несколько запальчиво проговорил бородач. – Волк в овечьей шкуре.

– Но все-таки он ваш отец, – напомнил своему собеседнику осанистый господин. – Хотя я вас прекрасно понимаю, – то, что случилось тогда, в те дни, – всецело на его совести. Впрочем, быть может, отчасти и на моей...

Его собеседник покачал головой:

– Я и тогда и, тем более, сейчас ни в чем вас не виню. Вы только выполняли приказ, Чарльз. А вот, что касается нашего общего знакомого... Что стало с ним?

Осанистый господин тотчас понял, о ком зашла речь, и нахмурился:

– Его упрятали в психиатрическую лечебницу, пока я был в Азии. Это все, что мне известно...

– И вы что, с тех пор ни разу его так и не посетили? – с осуждением в голосе осведомился мужчина. – А ведь вы для него были почти как Бог!

Остаток пути прошел при гробовом молчании. Вдруг кэб остановился, – осанистый господин, выглянув в окно, сказал:

– Мой отель. Кэбмен доставит вас по нужному адресу. Прощайте, Альберт, – или как вас теперь зовут?

– Прощайте, Чарльз, – провожая его взором, сказал незнакомец, потом он поднялся с места и выкрикнул в спину уходящему господину. – В прошлый раз я так и не сказал вам, а теперь говорю – спасибо...

Осанистый господин остановился на мгновение и, не оборачиваясь, продолжил свой путь.

На другой день с перрона вокзала, откуда накануне отправился гроб с телом покойной королевы, он вошел в купе первого класса и, затворив за собой дверь, сел на кожаный диван у окна. Вскоре поезд тронулся, унося его на запад, – туда, где был его дом. Сказались двое суток, проведенных в Лондоне, городе не самых приятных воспоминаний, – в те дни и ночи он так и не сомкнул глаз. А потому теперь под мерный стук вагонных колес, сам того не замечая, мирно забылся сном...

Однако пробуждение его было тревожным. За окном мелькали унылые сельские пейзажи «старой доброй» Англии. Поезд, по-прежнему, шел на запад. Но теперь в купе наш господин был не один. Некто в черном плаще с капюшоном, надвинутым на глаза, сидел напротив него. И, видимо, уже давно там находился.

«И когда он успел войти? Сколько же времени я проспал?» – подумал осанистый господин, залезая рукой в карман пиджака, – в поисках своих часов. Но когда он уже потянул за цепочку, вдруг раздался необычайно скрипучий голос незнакомца:

– Сейчас два часа пополудни. Прошло ровно тридцать минут, как я вошел в это купе, – сообщил тот, умолкнув.

– В самом деле, – взглянув на циферблат, засвидетельствовал осанистый господин. – Ровно два часа. Значит, проспал я больше часа. Странно...

– Почему? – осведомился незнакомец.

– Простите? – покосился на него осанистый господин.

– Почему из ваших уст вылетело это слово – «странно»? – спросил у него попутчик.

Тот нахмурился и не сразу отвечал:

– Просто, обычно я сплю очень чутко, а теперь пропустил столько остановок.

– Видимо, вы очень устали, – с сочувствием проговорил незнакомец.

– Не без этого, – отозвался осанистый господин и спохватился. – Простите. С кем имею честь?

– Извините. Я не представился. Меня зовут Лем, – сказал его попутчик.

– Лем? – как-то недоверчиво проговорил осанистый господин. – И все? Просто – «Лем»?

– Видите ли, там, где я живу, не принято, как у вас, давать длинные пышные имена. У нас в почете скромность, – сказал его попутчик.

– Да, и где же такие места? – полюбопытствовал осанистый господин. – Я бывал во многих краях...

– Знаю, знаю, – вдруг перебил его собеседник. – Мне все о вас известно! О вашей службе в Южной Африке, об экспедиции в Палестину, о Суакине, о Сингапуре, наконец.

– Простите, – изменился в лице осанистый господин, приподнимаясь со своего места. – Мы с вами знакомы? – осведомился он и тотчас получил неясный ответ:

– В некотором роде...

– Это как же понимать? Может, вы все-таки откроете мне свое лицо?

– Боюсь, если я вам покажусь, вы меня, еще чего доброго, за дьявола примите!

– Это отчего же? Ваше лицо настолько уродливое?

– Скажем так – оно не привычно для вашего взора. Видите ли, условия, в которых мы с вами выросли, сильно разнятся...

– Вы, верно, думаете, есть что-то, чего я в своей жизни еще не видел? – мрачно усмехнулся осанистый господин. – Милостивый государь мой, смею вас заверить в обратном. Я прошел через ужасы войны. Я не раз глядел в лицо смерти. А вы полагаете, что теперь что-то может меня напугать?

– А как же то, что вы видели во сне, – разве эти грезы вас не испугали? – возразил Лем.

– Я не знаю, что видел во сне. Я не помню, – огрызнулся осанистый господин, побагровев.

– А я знаю, – заявил Лем, – во сне вы видели тех женщин, лица которых до сих пор стоят у вас перед глазами...

– Каких женщин? Что вы несете? – повысил голос осанистый господин, почувствовав, как холодный пот заструился по его спине.

– Сейчас вы пытаетесь под маской злобы и отрицания скрыть самое обычное для людей чувство – страх, – продолжал Лем. – И это вполне нормально. Вы ведь религиозный человек, не так ли? Прихожанин англиканской церкви. Всегда вели истинно пуританский образ жизни. Так что нет ничего удивительного в том, что во снах вам являются эти женщины. Это голос совести! Но, поверьте, я вас вовсе не осуждаю за то, что вы сделали тогда, тринадцать лет назад, осенью 1888 года...

Осанистый господин впервые за долгое время, действительно, испытывал чувство страха, да такого, что граничил с диким ужасом. Подобного не случалось с ним даже в дни последней войны, где он командовал дивизией, потерпевшей жестокое поражение в схватке с бурами. Но и теперь хладнокровие не до конца оставило его. Он постарался скрыть свое волнение и спокойным тоном отвечал:

– Я не знаю, кто и что вам наговорил обо мне. Но меня вы не знаете. Все это лишь ваши необоснованные догадки!

– У вас говорят – «чужая душа – потемки», – слегка усмехнулся Лем, – а мое призвание – блуждать в этих потемках. Не думайте, что сможете что-то утаить от меня. Потемки вашей души весьма напоминают трущобы и мрачные кривые улочки лондонского Уайтчепела...

Часть первая. Убийства в Уайтчепеле

Глава первая. Мясник

Пятница. 31 августа 1888 г. 2:30

Ночь стояла темная. Кроваво-красное зарево полыхало на небе. На Уайтчепел-роуд, дороге, освещенной тусклыми газовыми фонарями, царило некоторое оживление. Люди, идущие по тротуару, останавливались, чтобы посмотреть на ночное зарево, и, качая головами, говорили:

– Не иначе как в доках Альберта горит... В который уже раз!

Среди тех, кого в столь поздний час занесло на Уайтчепел-роуд, было немало мужчин, прославившихся за добропорядочных семьянинов, – теперь они, шатаясь, возвращались в свои дома из близлежащих пабов и прочих увеселительных заведений, которыми пестрел этот район Лондона. Одних сюда влекло стремление отдохнуть от тяжелых трудовых будней, других – желание развеять скуку или вырваться из оков привычного и опостылевшего до тошноты существования, – то чувство, которое хотя бы раз одолевало всякого лондонца викторианской эпохи, какой бы примерной ни была его жизнь прежде.

По возвращении домой этим мужчинам предстоит пережить сцену, полную слез и упреков. Сначала супруги будут спать по отдельности. Но потом пройдет немного времени, все уляжется. И жизнь войдет в прежнее привычное и скучное русло... Женщины викторианской эпохи редко решались на разрыв отношений из-за неверности своих мужей. Правда, бывали и исключения из этого правила...

На пересечении Уайтчепел-роуд с Осборн-стрит, прислонясь к стене здания, где на фасаде красовалась надпись «Grosегу», стояла женщина в красно-коричневом длинном свободном пальто, из-под которого виднелось коричневое платье, выглядевшее совсем новым, а также шерстяные и фланелевые юбки. В ту ночь она выпила больше обыкновения и теперь испытывала страшный позыв к рвоте, которому не в силах была сопротивляться. И тогда ее вывернуло наизнанку, – прямо на тротуар, под ноги проходящего мимо господина, – тот, отряхиваясь, назвал ее «грязной шлюхой» и вскоре скрылся из виду. Женщина, которая, будучи пьяной, плохо понимала, что вообще происходит вокруг и где она находится, двинулась наугад, – вверх по Осборн-стрит, когда ее окликнули.

– Полли, – раздался позади нее знакомый голос миссис Холланд.

– А, это ты, Нелли! – обернувшись, проговорила та.

Миссис Холланд приблизилась к ней и, в свете горящего фонаря взглядевшись в памятое лицо своей бывшей компаньонки по комнате в ночлежном доме, заметила:

– Выглядишь ты неважно! Где ты была все это время? Что, совсем плохи твои дела?

– Мои дела? – развязно рассмеялась Полли. – Сегодня меня выгнали из этой убогой ночлежки, и мне негде приклонить голову... А так – все в порядке. Жизнь прекрасна!

– Я могу тебе чем-нибудь помочь? – заботливо осведомилась миссис Холланд.

– Да. Если у тебя есть 4 пенса, – еле ворочая языком, отозвалась Полли.

Денег у миссис Холланд не оказалось, и она с тоской посмотрела вслед уходящей в темноту Полли.

Мэри Энн, урожденная Уокер, известная в трущобах Уайтчепела под прозвищем «Полли», некогда вышла замуж за служащего типографии по фамилии Николз и родила ему пятерых детей. Будучи почтенной матерью большого семейства, эта женщина всецело посвя-

щала себя воспитанию детей и заботе о муже, который, однако, предал ее, переспав с медсестрой, что принимала роды их последнего ребенка. Несколько лет они еще прожили вместе, но потом расстались.

Мэри Энн не смогла простить мужу его измену. И, будучи не в состоянии жить с этим человеком под одной крышей, ушла от него, – после почти двадцати лет замужества вернулась в дом своего отца. Однако, после ссоры с отцом, который забрал к себе внуков, она осталась совсем одна. Безысходность заставила ее торговать своим телом. Вскоре с горя она пристрастилась к алкоголю. И с тех пор, все, что зарабатывала проституцией, тратила на выпивку и кровать в ночлежном доме. Однажды, констебль нашел ее в центре Лондона, лежащей на Трафальгарской площади. Из полицейского участка ее направили в рабочий дом района Ламбет, где она некоторое время жила, получая за свой труд в качестве прачки одежду, еду и крышу над головой. Потом нанялась служанкой в один богатый дом, но вскоре сбежала оттуда, прихватив с собой некоторые вещи. В конце концов, она нашла приют в ночлежном доме Уайтчепела, но последние десять дней, вплоть до этого вечера, ее там не видели. Теперь же она появилась, вдрызг пьяная, и хотела пройти в свою комнату, однако была остановлена товарищем держателя ночлежки, который потребовал с нее 4 пенса в уплату за кровать. Денег, однако, при ней не оказалось. И она ушла, крикнув на прощанье своему обидчику:

– Я еще вернусь, когда получу «doss money»¹, – так, она называла деньги своих клиентов. – Посмотри, какая веселенькая на мне шляпка!

В тот вечер она трижды получала свои «сонные деньги» и трижды тратила их на выпивку. И, в конце концов, оказалась там, где ее нашла миссис Холланд, также снимавшая жилье в ночлежном доме.

Шатаясь, Мэри Энн Николз шла по грязной Осборн-стрит, плохо освещенной газовыми фонарями и застроенной кирпичными домами, черными от сажи и копоти. В свете фонаря вдруг мелькнула чья-то тень. Из темноты ей навстречу выступила фигура в черном пальто. Она остановилась в нерешительности и пригляделась, узнав знакомые черты лица. Страх, подступивший к сердцу женщины и заставивший ее быстро протрезветь, тотчас улетучился, и она, вздохнув с облегчением, протянула:

– А, это вы, Дэвид! А я вас ждала весь этот день! Где же вы пропадали? Меня ведь выгнали из отеля! Вы знаете об этом?

Темная фигура только неопределенно качнула головой, не говоря ни слова. Как бы отвечая за него, Мэри Энн сказала:

– Вы, верно, были заняты, а потому не могли прийти, – она приблизилась к нему и взяла его под руку. Они вдвоем продолжили путь, пролегающий по темным улочкам и узким проходам Уайтчепела, – по направлению к восточной железнодорожной станции. Это была весьма странная пара. Она без умолку болтала на лондонском просторечии; он не издавал ни звука...

Этот мужчина, назвавшийся при первой их встрече Дэвидом, появился в жизни Мэри Энн Николз совсем недавно, – не более, чем десять дней назад. Тот вечер она, по своему обыкновению, встречала в пабе «Сковородка», – желание выпить перед началом рабочей ночи, как всегда, привело ее сюда. Однако на сей раз денег на пиво не хватило. И тогда появился незнакомец в шляпе, который заплатил за нее. Выпив залпом свою пинту пива, она в обмен на деньги предложила ему свои услуги. Тот качнул головой в знак согласия и немедленно положил перед ней на стол один шиллинг, поднимаясь и выходя из паба на улицу.

В тот раз она ужасно боялась идти куда-то с человеком, которого видела первый раз в жизни. Особенно, когда по округе поползли слухи об орудующей в городе банде, нападающей

¹ Дословно «сонные деньги» (прим. авт.).

на уличных барышень, – для грабежа и насилия. Но щедрость этого господина породила в душе женщины любопытство, которое помогло ей пересилить свой страх.

В тот вечер он привел ее в отель, расположенный вблизи железнодорожной станции, и в ресторане на первом этаже они вдвоем поужинали, после чего поднялись наверх, – в просторный и уютный номер. Мэри Энн, которая со времен ухаживаний Уильяма Николз не встречала подобного отношения к себе, была растрогана до слез и, глядя на свое отражение в зеркале, – на смуглое лицо с карими глазами и седеющими каштановыми волосами, – не могла понять, что же этого угрюмого и молчаливого молодого человека могло прельстить в ней, – да, так, чтобы он расщедрился на номер в гостинице. Она обнаженной лежала на кровати в ожидании его прихода. Но когда тот появился, только искоса глянул на нее и тотчас скрылся в ванной комнате, где, как она поняла по вырвавшимся оттуда звукам, занялся самоудовлетворением...

Впрочем, вскоре странное поведение сожителя перестало смущать эту женщину. Они несколько дней провели вместе, и Мэри Энн выложила ему все о себе, неизменно сетуя на свою треклятую жизнь и, особенно, на мужа, который изменил ей с медсестрой. Он же ничего ей не рассказывал, но только слушал ее внимательно. Если что и говорил, то с весьма сильным восточным акцентом, так что она его не понимала. Потом он ушел, заплатив за номер на несколько дней вперед. Эти дни она провела в ожидании него, даже ходила по магазинам, где купила корсет, шляпку и белый платок, вообразив, будто стала тайной любовницей какого-то важного человека. Время прошло, однако, он так и не появился, а накануне вечером у нее потребовали освободить номер. Мэри Энн снова вышла на улицу. Это был крах всех ее надежд. Она почувствовала себя обманутой и с горечью повторяла про себя: «Чудес в этой жизни не бывает...»

Теперь же, когда он появился вновь, надежда загорелась в ее душе с прежней силой. Женщина думала, что он ведет ее в тот же отель, где она сможет, наконец, отдохнуть и приклонить голову. И все будет, как в те десять благословенных дней.

Мэри Энн «Полли» все еще продолжала говорить, рассказывая своему молчаливому спутнику подробности своих последних дней жизни, когда они повернули на узкую, шириной не более двенадцати футов от стены до стены, улочку под названием «Бакс-роу», застроенную, с одной стороны, кирпичными доходными домами, где уважаемые лондонцы снимали жилье, а с другой – складскими помещениями. Они прошли мимо высоких стен местной школы, – здания, выделявшегося на фоне других строений этой улочки, – когда заметили впереди стоящего человека. Потом еще несколько ярдов, – до деревянных ворот, за которыми размещалась конюшня. Как вдруг этот человек устремился к ним навстречу. Ни слова ни говоря, он приблизился к женщине и ухватил ее за подбородок, больно надавив на челюсть. Ее глаза расширились, а по телу пробежала судорога. Через мгновение, не издав ни звука, она рухнула вниз, подхваченная ее спутником на руки. Он положил безжизненное тело на тротуар и достал из кармана своего пальто нож с длинным лезвием, приступив с ним к горлу женщины. Но рука его вдруг дрогнула. И он беспомощно взглянул на своего сообщника. Тот немедленно достал свой нож и полоснул им по горлу жертвы. Это действие ободрило молодого человека. И второй удар он нанес самостоятельно. Его сообщник, тем временем, задрав кверху юбки женщины, движением слева направо разрезал ей живот поперек.

От вида крови, которая полилась из раны на шею, молодой человек пришел в неистовство. Когда его сообщник выпрямился, он, тяжело дыша, вонзил нож в живот несчастной жертвы и принялся его кромсать... Вскоре, однако, почувствовав руку у себя на плече, остановился и, оглянувшись, встретился глазами со своим сообщником.

Без промедления они скрылись в темноте. На тротуаре осталось лежать безжизненное тело женщины с широко открытыми глазами, у которой из ран на шее сочилась кровь...

3:40

Едва эти двое скрылись из виду, как на Бакс-роу появился первый прохожий. Это был некто Чарльз Кросс, извозчик, который в тот ранний час направлялся на работу. Проходя мимо школы, он заметил, что на левой стороне улицы на тротуаре что-то лежит. Эта часть Бакс-роу совсем не была освещена, а потому он двинулся, чтобы рассмотреть предмет, привлечший его внимание, – в надежде, что это брошенный кем-то брезент, – но, приблизившись, с удивлением и разочарованием различил фигуру женщины, которая была то ли мертва, то ли пьяна. Не успел он опомниться, как услышал шаги позади себя. Повернувшись, увидел своего приятеля Роберта Пола.

– Бобби, – позвал он. – Подойди. Здесь какая-то женщина.

Они вдвоем перешли через дорогу и нагнулись к ней. Женщина лежала на спине, ноги ее были выпрямлены, а юбки приподняты почти до пояса. Чарльз Кросс протянул руку и коснулся ее теплого лица и рук, которые были холодными и мягкими.

– Думаю, она мертва, – заметил он.

Тем временем Роберт Пол положил руку женщине на грудь и как будто почувствовал легкое движение.

– А я думаю, она дышит, – сказал он, – но очень мало, если дышит.

Роберт Пол предложил посадить женщину.

– Мне некогда, – наотрез отказался Кросс. – Я опаздываю!

– Давай, хотя бы прикроем ее срамоту, – сказал Роберт Пол и опустил поднятые юбки.

– Мы расскажем о ней первому встречному констеблю, – поспешно проговорил Кросс. – Пойдем, а то босс намылит мне шею...

Они ушли. Ни тот, ни другой не заметили в кромешной темноте Бакс-роу, что голова женщины почти отрезана от тела.

Прошло еще несколько минут, когда на пустынной улочке снова появился человек. Это был констебль Джон Нил из подразделения с литерой «J», который совершал регулярный обход подведомственной ему территории по привычному маршруту, пролегающему через Бакс-роу. Он проходил здесь не более, чем полчаса назад, и тогда улица была совершенно пуста. Теперь же, минуя здание школы, заметил фигуру, лежащую с другой стороны улицы. Констебль приблизился и включил фонарь, что нес в руке, чтобы рассмотреть свою находку.

Это была женщина, у которой из раны в горле сочилась кровь. Она лежала на спине, одежда ее была растрепана. Ее шляпка лежала рядом. Ее глаза были широко раскрыты. Он пощупал ее руку, которая была довольно теплой от суставов вверх. Пульс не прощупывался.

В это время на другом конце улицы по своему маршруту обход совершал другой констебль, которого звали Джон Тейн. Завидев его издали, Джон Нил, включая и выключая свой фонарь, принялся подавать ему сигнал. Джон Нил заметил этот сигнал и подошел узнать, в чем дело.

– Здесь женщина с перерезанным горлом, – крикнул ему тезка Джон, – немедленно беги за доктором Льюэллином.

4:00

Весть об убийстве быстро распространилась по округе и, несмотря на ранний час, привлекла толпу зевак. Одними из первых на месте происшествия появились мясники Гарри Томкинс, Джеймс Мамфорд и Чарльз Бриттен, – они пришли с соседней Уинтроп-стрит, где всю ночь работали на скотобойне. Любопытство сыграет с этими людьми злую шутку, поскольку в первую очередь подозрение падет на них...

Сначала прибыла карета скорой помощи – точнее, тележка для перевозки трупа. Потом пришел заспанный доктор Льюэллин. Он бегло осмотрел раны на шее и, зевая, равнодушно проговорил:

– Могу констатировать – смерть наступила, – он потрогал ее руки и ноги, – и, судя по всему, это произошло не более получаса назад. Это все, что я могу пока сказать, – он оглянулся на толпу зевак и обратился к констеблям. – Господа, а не пора ли перевезти тело в морг?

Когда два Джона совместными усилиями подняли тело женщины и положили его на тележку, при этом порядочно запачкавшись в крови, доктор Льюэллин вернулся домой – чтобы снова погрузиться в объятия Морфея.

Раннее утро. 31 августа.

Джон Спрэтлинг, инспектор из отдела с литерой «J», прибыл на место происшествия, которое к тому времени уже опустело. Когда тело вывезли, люди разошлись, и даже следов крови на тротуаре не осталось. (Видимо, какая-то местная жительница смыла лужицу крови, что вытекла из раны на шее жертвы). Так что, когда инспектор Спрэтлинг прибыл на место происшествия, он не нашел там вообще никаких следов. Раздосадованный этим открытием, он поспешил в морг Уайтчепела, чтобы как можно скорее самолично обследовать тело, дабы проворные лондонцы не успели еще чего-нибудь сделать по сокрытию следов преступления.

Считанные мгновенья потребовались инспектору Спрэтлингу, чтобы добраться до морга, который находился на соседней Олд Монтегю-стрит и размещался в кирпичном сарае во дворе больницы работного дома Уайтчепела. Там он застал констебля Джона Нила, нашедшего тело. Поговорив с ним об обстоятельствах обнаружения трупа, инспектор вошел в сарай, посреди которого на деревянном столе покоилось тело женщины.

Джон Спрэтлинг, бывалый офицер полиции, за годы своей службы повидал немало мертвецов, и в морге себя чувствовал вполне уверенно, почти как дома. Он бесстрашно приблизился к трупу и, в условиях недостаточного утреннего освещения, попросил констебля Нила осветить ему фонарем, а сам достал из кармана блокнот с карандашом и принялся снимать описание жертвы.

– Женщина лет сорока-сорока пяти на вид, с маленькой отметиной на лбу. Карие глаза. Каштановые волосы с проседью, – проговаривая вслух, писал он в своем блокноте. – Одета в красно-коричневое пальто... – и т.д.

Первым делом инспектор обратил внимание на глубокие раны на горле женщины. Но, когда принялся описывать ее одеяние, заметил на нем пятна крови. Расстегнул пальто, приподнял платье и увидел слабо зашнурованный корсет, а внизу, под ним – колото-резанные раны на животе, которых доктор Льюэллин, бегло осмотревший тело и спешащий вернуться домой, не заметил. Потом обследовал нижнюю часть тела и на юбках жертвы нашел клеймо работного дома района Ламбет. Так, появилась первая зацепка в этом деле...

Утром того же дня из одного полицейского участка Лондона в другой по телеграфу был отправлен запрос, и вскоре служащая работного дома района Ламбет, вызванная для опознания в Уайтчепел, назвала имя убитой – Мэри Энн Николз, урожденная Уокер. После чего полиция нашла ближайших родственников жертвы.

В тот же день Эдвард Уокер по отметине на лбу опознал в убитой свою дочь, которую не видел уже три года. А на другое утро в морг Уайтчепела вошел муж Мэри Энн – Джон Уильям Николз. Говорят, увидев тело своей жены, он покачал головой и сказал такие слова:

– Я прощаю тебя, – за то, чем ты была для меня...

Так, даже после смерти своей жены этот человек продолжал только ее во всем винить, не чувствуя ни малейших угрызений собственной совести.

Тогда же, в субботу 1 сентября было открыто официальное расследование причин смерти Мэри Энн Николз, – местный коронер в присутствии присяжных заседателей начал допрос основных свидетелей по делу.

Детективы из полиции, тем временем, опрашивали местных жителей. Однако, никто ничего не видел и не слышал...

Это было уже третье за полгода убийство женщины в районе Уайтчепел. В начале апреля 1888 года было совершено жестокое нападение на Эмму Смит, которая спустя сутки умерла в госпитале от ножевых ранений. А Марту Тэбрам в августе убили в подъезде одного из жилых домов, нанеся 38 колотых ран. Ходили слухи, будто в городе орудует банда, которая охотится на проституток. И это была одна из первых версий, которая отрабатывалась в ходе следствия по делу Мэри Энн Николз.

Новое, третье по счету, убийство уличной женщины вызвало широкий общественный резонанс и попало на первые полосы лондонских газет. Так, в выпуске «Вечерних новостей» за 1 сентября 1888 года сообщалось: «...Эти банды, которые появляются рано утром, имеют привычку шантажировать этих бедных несчастных созданий, когда же их требования отклоняются, насилуют их, а, чтобы избежать разоблачения, убирают своих жертв...»

Плакатами об «очередном ужасном убийстве» был обклеен чуть ли не весь Уайтчепел и прилегающие к нему районы. И так вышло, что женщина, до которой при жизни решительно никому никакого дела не было, после своей смерти привлекла всеобщее внимание. В день ее похорон, которые были назначены на 6 сентября, на Хэнбери-стрит собралась внушительных размеров толпа. Люди расступились, когда из ворот похоронного бюро выехал катафалк, запряженный парой вороных лошадей. Мрачный крытый экипаж должен был проследовать на Олд-Монтегю-стрит, где находился морг Уайтчепела. Однако, вместо этого кучер, сидевший на козлах, погнал лошадей на Уайтчепел-роуд, и вскоре катафалк скрылся из виду, чем привел в немалое смущение людей в толпе.

Впрочем, репортеры из лондонских газетенок, затесавшиеся в толпу, вскоре разгадали хитрость, придуманную властями.

Организация похорон, которые не удалось сохранить в тайне, больше напоминала полицейскую операцию. Пока толпа пребывала в недоумении, следуя по Олд-Монтегю-стрит, катафалк, запряженный парой лошадей, въезжал в морг Уайтчепела с другой стороны, – через ворота, ведущие в суд Чепмена...

Никого не было поблизости, кроме гробовщика и его помощников, когда останки, помещенные в полированный гроб из вяза, с надписью на табличке: "Мэри Энн Николз, 42 года; умерла 31 августа 1888 года", – были перенесены в катафалк и отвезены на Хэнбери-стрит, чтобы там ждать родственников покойной. Они прибыли с большим опозданием, и оба экипажа некоторое время ждали в переулке. Их пребывание там не осталось незамеченным для местных жителей. И вскоре уже вся округа знала, где находится катафалк с телом убитой женщины. Толпа, что стояла у парадных ворот морга Уайтчепела, хлынула назад, на Хэнбери-стрит. Люди столпились вокруг, рассматривая гроб и надпись на табличке.

Однако, вскоре появились полисмены, и любопытные зеваки были оттеснены от катафалка. Группа констеблей под командованием инспектора Хелстона из отдела с литерой " Н " окружила его и не подпускала праздный народ слишком близко к гробу жертвы.

Наконец, прибыли родственники погибшей, – мистер Эдвард Уокер, отец жертвы, а также двое ее детей, – и процессия двинулась к кладбищу Илфорда, – вдоль Бейкерс-роу, потом, миновав угол Бакс-роу, вышла на Уайтчепел-роуд, где через каждые несколько ярдов стояли полицейские.

«В домах по соседству были опущены шторы, и родственникам было выражено большое сочувствие...» – так, чуть позже писал репортер из «Утреннего рекламодателя».

На другой день, утром статья с подробным описанием похорон Мэри Энн Николз появилась во всех местных газетах.

Некий господин в темном пальто и шляпе охотника за оленями купил у мальчишки-разносчика свежий выпуск «Утреннего рекламодателя» и, развернув газету на нужной странице и пробежав глазами статью, мрачно усмехнулся...

Глава вторая. Кожаный фартук

В начале сентября 1888 года в Скотланд-Ярде царил неразбериха, – обычное явление для бюрократического аппарата в обстановке, когда меняется начальство. По странному совпадению², в день смерти Мэри Энн Николз ушел в отставку глава криминальной полиции Лондона Джеймс Монро, которого на этом посту заменил сэр Роберт Андерсон. Однако, тот, не пробыв в новой должности и недели, взял отпуск и уехал лечиться от «истощения» в Швейцарию.

Начало осени – традиционно пора отпусков в государственных учреждениях. В те дни не было в Лондоне комиссара Столичной полиции – сэра Чарльза Уоррена. Суперинтендант Томас Арнольд, возглавлявший отдел «Н», отправился в отпуск 2 сентября. Позднее отдых начнется для главы полиции Лондонского Сити...

В итоге, полицейского начальства в те дни вообще не было в городе. Однако это вовсе не значит, что расследование преступления, которое вызвало столь широкий общественный резонанс, остановилось. Нет, конечно. Детективы-констебли Уайтчепела с ног сбились, опрашивая местных жителей.

По заключению доктора Льюэлина, который произвел вскрытие жертвы, орудием преступления мог быть тесак, какой используют мясники, работающие на скотобойне. Совершение убийства в непосредственной близости от одной из таких скотобоев также наводило на мысль о том, что убийца – из числа лиц этой профессии. В таком случае, он легко мог бы остаться незамеченным в толпе на Уайтчепел-роуд, даже будучи окровавленным с ног до головы.

И первыми под подозрение, как уже было сказано, попали мясники, которые в ночь убийства на соседней Уинтроп-стрит освеживали лошадиные туши (их на место преступления привело обычное человеческое любопытство). После того как тело увезли в морг, эти люди вернулись к своему занятию, за которым их и застали констебли из отдела «J». Лошадиные туши, подвешенные на крючья под потолком, к тому времени уже были освобождены от кожи, и трое мясников сели передохнуть в своих окровавленных фартуках. Они дымили папиросами во дворе скотобойни и шумно, смеясь, разговаривали, но при виде полисменов тотчас замолкли. И улыбки пропали с их лиц...

Все трое были препровождены в полицейский участок на Коммерческой улице, где инспектор Спрэтлинг несколько часов подряд допрашивал их, – каждого по отдельности и всех вместе. Однако эти допросы ни к чему не привели. Ни один из тех троих так и не признался в убийстве женщины. Затем список подозреваемых был расширен – в него попали вообще все мясники, осуществляющие свою, – к слову сказать, малопочтенную и старательно не замечаемую обществом, – деятельность в районе Уайтчепел. И пока инспекторы на Коммерческой улице допрашивали этих людей, детективы-констебли обходили публичные дома и известных им уличных женщин, которые могли что-то знать или видеть в ночь убийства.

Опрос проституток, работающих по ночам на темных улочках и в многочисленных проходах Уайтчепела, дал первые результаты. У полиции появился подозреваемый – некий мужчина, которого эти женщины знали только по его прозвищу «Кожаный фартук».

– Этот «Кожаный фартук» отнял у меня деньги, – жаловалась полисмену одна женщина.

– Он избил и ограбил меня, – со слезами на глазах говорила ее товарка и показывала выбитые передние зубы. – Я уверена, что и теперь это его рук дело...

– Как выглядит этот человек? Вы сможете описать его внешность? – расспрашивал их детектив-констебль.

² В этом деле об «убийствах в Уайтчепеле» вообще много весьма странных совпадений! (прим. авт.).

Вскоре был составлен портрет подозреваемого – бородач, похожий на еврея. Эта информация, несмотря на то, что ее велено было никому не разглашать, тотчас же стала достоянием общественности, – благодаря проворным лондонским журналистам, падким на сенсации, которые наблюдали за полисменами и вслед за ними опрашивали свидетелей.

В начале сентября 1888 года лондонские газеты пестрели заголовками о «Кожаном фартуке».

В те дни в районе Спиталфилдс, что непосредственно граничит с Уайтчепелом, появился некий господин лет сорока пяти на вид, весьма примечательной внешности – с усами и бакенбардами. В воскресенье днем он вошел в паб «Британия» и заказал у бармена pintу пива. После чего, сев за столик у окна, развернул принесенную с собой газету и принялся читать статью, посвященную убийствам женщин в Уайтчепеле, при этом мелкими глотками потягивая пиво из кружки и успевая к тому же неприметно оглядываться по сторонам. Умение делать одновременно сразу несколько дел было непременным атрибутом профессии этого посетителя питейного заведения. Ведь он был сыщиком...

Когда стало ясно, что детективы на местах не справляются с задачей поимки преступника, из Скотланд-Ярда им на помощь был отправлен инспектор Фредерик Абберлайн. Этот человек неслучайно получил прозвище «Ист-эндер». К осени 1888 года он служил в полиции уже двадцать пять лет. С 1873 года и до недавнего времени был инспектором в Уайтчепеле, а потому этот район и прилегающие к нему территории знал, как свои пять пальцев. В декабре прошлого года инспектор Абберлайн пошел на повышение – в центральный аппарат лондонской полиции – Скотланд-Ярд.

В начале сентября 1888 года он снова появился на своей старой территории и в этот час в пабе «Британия» поджидал своего информатора. Тот вскоре появился, и тогда инспектор Абберлайн отложил в сторону газету и подал знак бармену, чтобы принесли еще одну pintу пива...

Неизвестно, о чем бывший инспектор Уайтчепела говорил со своим агентом, только тот все время отрицательно качал головой, а потом, даже не притронувшись к принесенной барменом кружке пива, быстро покинул паб. Абберлайн, проводив его взглядом, задумался...

За соседним столом в то же самое время сидела весьма приметная группа, состоящая из двух мужчин и двух женщин, которые шумно разговаривали, привлекая внимание остальных посетителей паба. Потом одна из тех женщин, – с косынкой и шарфом на шее, – вдруг поднялась из-за стола и вlepила звонкую пощечину своей товарке. Та не замедлила с ответом и сжатой в кулак рукой ударила обидчицу прямым в лоб. Завязалась потасовка, и, прежде чем мужчины разняли дерущихся, те обменялись еще ударами, один из которых достиг своей цели. Женщина, сбита с ног, упала возле стола. Мужчины, тем временем, оттащили от нее другую. Та еще продолжала выкрикивать грубые ругательства на лондонском просторечии, когда уха-жер выводил ее из паба на улицу.

Народ столпился возле стола, где упала женщина. Тем временем, Абберлайн, не вмешаваясь в происходящее, покинул паб. Однако, кроме него, еще одна пара темных глаз наблюдала за этой сценой. Некий молодой человек, потягивая имбирное пиво из бутылки, сидел в темном углу, откуда все пространство паба ему было видно как на ладони, – он проводил взглядом уходящего инспектора из Скотланд-Ярда, потом долго не спускал глаз с лежащей на полу жен-

щины, которой оказывали помощь. Когда она встала, у нее появился след от удара на виске и кровоподтеки на груди. Эта женщина, поднимаясь на ноги, закашлялась, как если бы страдала от чахотки. И, в самом деле, длительные ночные прогулки по Лондону с его прохладным и влажным климатом сыграли с ней злую шутку. Она уже умирала от быстро прогрессирующей болезни легких и воспаления оболочек головного мозга...

Эта женщина была известна в округе под прозвищем «Мрачная Энни». Некогда она жила в Виндзоре, где ее муж Джон Чепмен служил кучером в одном благородном доме. Однако потом муж запил горькую, и она ушла к другому мужчине, – тому, который теперь помог ей подняться на ноги. Этого человека звали Эдвард Стэнли, – вместе они уехали в Лондон, где, как думала Энни, любовник озолотит ее. Но вскоре выяснилось, – тот, кто выдавал себя за военнотруженика, имеющего пенсию, оказался на поверку простым помощником каменщика и жил не в уважаемом Вест-Энде, а среди трущоб Уайтчепела. Ко всему прочему, он был женат. Впоследствии Энни часто проклинала себя за этот поступок, но было уже поздно. Муж не простил жену, но, тем не менее, она стабильно каждую неделю получала от него по десять шиллингов, – вкуче с крохотным бизнесом по продаже цветов и вязанием вещей, – ей на жизнь хватало. Вскоре, однако, муж умер, и в жизни Энни настали трудные времена. В Лондоне она сожительствовала с другим мужчиной, который тотчас же, когда прекратились денежные переводы, ее бросил. Потом она снова повстречала Тэда Стэнли, и они стали проводить вместе выходные. Он оплачивал ее проживание в ночлежном доме на Дорсет-стрит, куда теперь они вдвоем направлялись. Стычка с соперницей, видно, не прошла без последствий для «мрачной Энни». Тэд Стэнли держал ее под руку, помогая идти. За ними на некотором отдалении следовал молодой мужчина в темном пальто и шляпе охотника за оленями.

Пересекая улицу, он наткнулся на девушку лет двадцати пяти на вид, – милостивую белокурую ирландку, которая носила белый передник. Взглянув на нее, он смущенно потупился. Она же на него не обратила внимания, продолжая свой путь – к пабу «Британия»...

Прошло несколько дней. После похорон Мэри Энн Николз, казалось, все улеглось, хотя убийца так и не был найден. Не принесли результата и поиски так называемого «Кожаного фартука». Слишком много людей по роду своих занятий так или иначе должны были носить такой фартук, и это мог быть кто угодно. Например, Джон Ричардсон, грузчик на рынке, проживающий в районе Спиталфилдс на Джон-стрит.

8 сентября, без четверти пять утра, когда уже было достаточно светло, Джон вошел в дом по адресу: Хэнбери-стрит, 29, – помещения на первых двух этажах этого дома его мать Амелия Ричардсон сдавала внаем постояльцам. Всякое утро по пути на рынок он заходил проверить подвал, где размещалась их семейная мастерская по производству деревянных ящичков. (Это вошло у него в привычку, – с тех пор, как однажды кто-то оттуда вынес все инструменты).

Двери этого дома никогда не закрывались на ключ. Подняв защелку входной двери, Джон Ричардсон прошел через коридор к той, что вела на задний двор. Три ступеньки спускались в этот двор, обнесенный деревянным забором высотой в 5 футов и местами мощеный камнем. Во дворе был водопроводный кран, рядом с которым на камнях в то утро 8 сентября лежал недавно вымытый кожаный фартук...

Джон Ричардсон остановился на пороге и первым делом взглянул в сторону подвала, чтобы убедиться в целостности замка на двери, ведущей в мастерскую. Потом он хотел, было, уже продолжить свой путь на рынок Спиталфилдс, когда вспомнил, что нужно починить обувь, – и тогда сел на среднюю ступень крохотного крылечка и, вытащив из кармана столовый нож, принялся за дело...

Впоследствии Джон Ричардсон говорил коронеру, что он не более пары минут пробыл на заднем дворе дома по Хэнбери-стрит, 29, и ничего не попало ему на глаза подозрительного. Минут через пять он уже подходил к рынку района Спиталфилдс, у ворот которого должен был встретиться со странной парочкой. Женщина средних лет и молодой мужчина в шляпе охотника за оленями. Не обратив на них внимания, он скрылся за воротами. А те двое заторопились в том направлении, откуда пришел Ричардсон...

5:30

Лестничная площадка и задний двор на Хэнбэри-стрит, 29, – дома, двери которого никогда не закрывались, зачастую служили укромным уголком для уличных женщин, – туда они приводили мужчин – для оказания своих услуг.

В то утро, 8 сентября 1888 года, Энни Чепмен, она же «мрачная Энни», пришла сюда со своим последним клиентом.

– И вам здесь нравится? – прошептал мужчина ей на ухо, когда они сошли со ступенек во двор.

– Нет, – вздохнула женщина. И это было последнее слово, которое Энни Чепмен произнесла в своей жизни. В следующий миг мужчина схватил ее за подбородок, нажимая на челюсть. Она не успела издать ни звука, когда, потеряв сознание, рухнула прямиком на забор.

Он перетащил ее к ступеням крыльца и, думая, что она мертва, выхватил нож с длинным лезвием и одним ударом разрезал ей горло, – слева направо, от одного уха до другого. Но вдруг женщина открыла глаза и машинально схватилась руками за шею, из которой хлынула кровь, брызнув на забор и стену дома. Встретившись с ее глазами, убийца попятился назад. Но через мгновение он уже вновь овладел собой и, взглянув на свой окровавленный нож, снова приступил с ним к своей жертве...

В тот миг, когда она открыла глаза, убийца испытал чувство страха, граничащего с ужасом. В его воспаленном сознании промелькнула мысль, что, только отрезав голову, можно убить ее. И он даже попытался это сделать, нанеся два удара по шее женщины, а потом заметил, что она мертва. Ее окровавленное сильно опухшее лицо с высунутым меж зубами языком не выражало признаков жизни.

Тогда, тяжело дыша, – от волнения и спешки, – он вспорол ей живот и принялся вынимать внутренности. В конце концов, добрался до утробы... Некоторое время он держал в руках разорванный кишечник, потом положил его над правым плечом своей жертвы, а желудок – над ее левым плечом. О чем же он думал при этом? О том ли, как отвратительно устроен человек изнутри? Или как он похож на прочих животных, которых сам же употребляет в пищу? Матку убитой он прихватил с собой, запихнув этот орган в карман своего пальто...

Вскрывая брюшную полость жертвы, убийца порядочно перепачкался в ее крови, а потому спешил убраться с места преступления. Однако до конца он сохранил контроль над своими действиями, – тихо ступая по коридору и осторожно затворив за собой входную дверь, покинул дом на Хэнбэри-стрит, 29.

5:45

Пробили часы церкви района Спиталфилдс...

Джон Дэвис, извозчик на рынке Леденхолл, который вместе с женой и тремя сыновьями снимал первую комнату на третьем этаже дома, что на Хэнбери-стрит, 29, был первым, кто в ту субботу вышел во двор. Он открыл дверь и тотчас же увидел женщину, находящуюся между каменными ступенями и деревянным забором. Она лежала на спине ногами к деревянному сараю, ее голова была повернута в сторону дома, а одежда задрана до пояса. Зрелище произвело на мужчину неизгладимое впечатление. Он не стал спускаться во двор, а вышел через входную дверь на улицу и потрясенным голосом прокричал:

– Люди, идите сюда!

Его крик привлек внимание двоих мастеровых, которые тотчас подошли узнать, в чем дело. Дэвис привел их во двор, – лицезрение внутренностей, которыми было обложено тело женщины, никого не оставило бы равнодушным! Оба были потрясены, одного вывернуло наизнанку...

6:10

Инспектор Джозеф Чендлер из отдела с литерой «Н» в то утро дежурил на Коммерческой улице, когда заметил нескольких человек, выбежавших на угол Хэнбери-стрит. Он понял, что-то случилось, и подозвал их.

– Еще одну женщину убили! – подбегая, сообщил один из них.

– Где? – помрачнев, осведомился инспектор Чендлер. Он шел следом за мастеровыми и проклинал свою судьбу за то, что очередное убийство случилось именно во время его дежурства. Оказавшись на заднем дворе дома, что на Хэнбери-стрит, 29, он увидел все то же отвратительное зрелище выпотрошенных останков женщины...

Весть о новом убийстве быстро разлетелась по округе. В коридоре уже началось столпотворение...

Инспектор Чендлер, тем временем, послал одного из мастеровых за полицейским врачом, мистером Филлипсом, а другого – в полицейский участок за каретой «Скорой помощи». Когда прибыли полицейские, он с их помощью очистил коридор от толпы и потребовал, чтобы тело никто не трогал. Лицезрение выпотрошенного трупа не доставляло ему удовольствия, а потому, пройдя по округе, он раздобыл несколько мешковин, чтобы прикрыть тело до прихода врача...

В половине седьмого утра на месте преступления появился доктор Джордж Филлипс, который, осмотрев тело, констатировал смерть, что и так было слишком очевидно, и велел отвезти его в морг работного дома Уайтчепела. После чего на глазах у взволнованной публики со двора вынесли потрепанные останки женщины и погрузили их на тележку «Скорой помощи», которая отправилась на восток по Хэнбери-Стрит, а затем повернула направо на Брик-лейн.

Инспектор Чендлер еще был на месте происшествия, собирая улики и опрашивая свидетелей, когда в морг, куда привезли тело умершей женщины, прибыл детектив-сержант из отдела «Н» Уильям Тик по прозвищу «Джонни Несгибаемый» (Jonny Upright). Происхождение этой клички скрыто «под покровом лондонских туманов», как мог бы написать поэт. По одной версии, сержанта Тика так называли за осанку и кристальную честность, проявленную на службе. По другой же, свое прозвище Тик заработал из-за того, что подставлял подозреваемых³.

Тело убитой находилось во дворе морга. Сержант Бэдэм, стоявший рядом на карауле, тотчас же узнал Уильяма Тика, – по его приметным густым желтоватым усам. Они поздоровались, закурили и разговорились. Тик время от времени поглядывал в сторону, где на тележке, под навесом лежало тело убитой. Его в этот миг посетила одна счастливая мысль. Он подумал, что, если раскроет это дело, старшее начальство будет довольно им, – быть может, даже представит его к награде. А с учетом того внимания, которое проявляет пресса к убийствам этих женщин, его имя, несомненно, появится на первых страницах лондонских газет.

Перспектива быстрого карьерного роста замаячила перед глазами честолюбивого человека, который за двадцать лет в полиции дослужился лишь до сержанта. Теперь все должно

³ Прозвище «Upright», таким образом, происходит от сленгового выражения «fit up» (прим. авт.).

было измениться. Сначала он будет повышен до инспектора, – а это ведь солидный прибавок к жалованью! – потом его, наверняка, переведут в Скотланд-Ярд, как Абберлайна, а там, глядишь, недалеко и до Хоум Офис...

Тогда Уильям Тик приблизился к тележке с телом убитой женщины, чтобы лучше рассмотреть ее, но сержант Бэдэм остановил его словами:

– Инспектор Чендлер приказал, чтобы никто без него не прикасался к трупу.

Джонни Несгибаемый на мгновение задумался, потом улыбнулся и проговорил:

– А как думаешь, Джон, что он скажет, если ты составишь для него описание жертвы? Будет ли против? А, может, наоборот, похвалит тебя?

– Ну, если бы за меня кто-нибудь сделал часть моей работы, я бы не стал возражать, – отозвался сержант Бэдэм, желая выслужиться перед начальством.

Через эту хитрость Уильям Тик получил «доступ к телу» и смог как следует его осмотреть. С его слов сержант Бэдэм записал внешние приметы жертвы и во что она одета. Сержанту Тику, однако, этот осмотр решительно ничего не дал. Он не обнаружил никаких зацепок. Даже не смог пролить свет на личность убитой. Хотя вскоре ее опознали, как Энни Чепмен, в девичестве – Смит.

В восьмом часу утра пришел инспектор Чендлер. В руках он держал изрядно покрытый плесенью кожаный фартук.

– Это с места происшествия? – осведомился Уильям Тик.

Чендлер покосился на сержанта, которого уже давно подозревал в стремлении «подсидеть» его, и оставил без внимания заданный им вопрос.

На другой день, в воскресенье у Уильяма Тика был выходной, и по пути в паб он столкнулся со своим старым приятелем – из отдела «J». В пабе они заказали по пинте пива и разговорились. Уильям Тик сорил словами, изрекая один анекдот за другим, и не забывал про выпивку для своего приятеля, но заговорил о деле только, когда тот уже был навеселе. Третья или четвертая кружка пива развязала язык полисмена. Так, Джонни Несгибаемый узнал, что журналисты пронюхали еще раньше, – в убийстве Мэри Николз подозревается некий персонаж по прозвищу «Кожаный фартук», по описанию похожий на еврея. А это уже была реальная зацепка. Он довольно потирал руки, вспомнив про знакомого сапожника из евреев, который постоянно и всюду появляется в кожаном фартуке.

Через одного из своих информаторов Уильям Тик узнал, что Джон Пайзер, – а так звали этого еврея-сапожника, – вот, уже несколько дней скрывается у своей матери на Малбери-стрит. Это не иначе как он! «Надо брать», – решил Уильям Тик, не поставив в известность о своем намерении непосредственное начальство в лице инспектора Чендлера.

Рано утром, в понедельник 10 сентября он, прихватив с собой констебля, направился на задержание опасного преступника. Однако, зная по опыту, что без ордера ему могут просто не открыть дверь, по пути зашел в почтовое отделение. Сотрудник почты, помня о репутации Джонни Несгибаемого, не посмел послушаться его приказа и последовал за ним к дому на Малбери-стрит. Там он постучал с помощью молоточка и на вопрос из-за двери: «Кто там?» – сказал, что-то вроде: «Это я, почтальон..., принес записку про вашего мальчика». Когда же с той стороны шелкнул замок, в приоткрытую дверь тотчас ворвался сержант Тик, едва не сбив с ног пожилую женщину, мать Джона Пайзера.

– Где ваш сын? – заорал он на нее. И в этот миг в коридоре появился сам сапожник. Увидев полицейского, тот, недолго думая, устремился наутек, – к черному ходу, прямоком на задний двор и, перемахнув через забор, оказался на соседней улице. Однако там его встретил констебль и, повалив на землю, скрутил ему руки за спиной.

– Что я сделал? – кричал Джон Пайзер по-английски с заметным акцентом, когда констебль заковал его в наручники и повел по улице обратно в дом, который в это время уже

обыскивал Уильям Тик. Вскоре были найдены инструменты, в том числе заостренный нож, и рабочая форма сапожника.

– Бесплезно отпираться, мистер Пайзер, – сказал довольный результатами обыска Уильям Тик. – Я знаю, это вы – «Кожаный фартук».

– Ну, и что? – возразил Пайзер. – Всем известно, что это мое прозвище! Что же до этих шлюх, которые пожаловались на меня. Они этого заслужили...

– Как и та, чье тело вы выпотрошили в прошлую субботу? – парировал Уильям Тик.

– Что? Что вы сказали? – изменился в лице Пайзер и, когда услышал об убитой женщине, торопливо заголосил. – Я никого не убивал. Врезал одной шлюхе пару раз. За дело! Она приставала ко мне. Но, чтобы убить... Не было этого! И в субботу я не выходил из дома. И это могут подтвердить...

– Следствие во всем разберется, – сказал сержант Тик, выталкивая Пайзера на улицу, где уже собралась толпа из местных жителей. Из толпы тотчас послышались гневные окрики и лозунги: «Смерть убийце!» Опасаясь, как бы горожане не линчевали его подозреваемого по пути в участок, он вернулся назад в дом и, послав констебля, вызвал подкрепление.

Под усиленным конвоем Джон Пайзер, наконец, был доставлен в полицейский участок на Коммерческой улице. В тот же день его привели на допрос в коронерский суд. Алиби подозреваемого на момент совершения преступления вскоре подтвердилось. Спустя два дня он был оправдан окончательно.

Буквально считанные часы Джон Пайзер находился под стражей. Однако за это время его уже успели назвать «убийцей женщин» ряд лондонских газет. С этими газетами впоследствии, – и, надо сказать, небезуспешно, – судился этот предприимчивый человек, желая, как он говорил, «восстановить справедливость».

Сержант Тик, хотя и не достиг желаемого, – начальство не оценило его поспешных действий, – свою толику славы все же получил – его имя неизменно фигурировало в прессе в связи с задержанием Джона Пайзера.

В понедельник 10 сентября в деле об убийствах в Уайтчепеле появился второй подозреваемый. Инспектор из Скотланд-Ярда Абберлайн, присланный на усиление местной полиции, еще накануне, как ему казалось, вышел на след преступника, который привел его в Грейвзэнд, где в таверне Папы Римского на Вест-стрит он обнаружил мертвецки пьяного Уильяма Пигота. На руке у того человека был ярко выраженный след от укуса, сам же он находился в невменяемом состоянии. И был доставлен в полицейский участок на четырехколесном кэбе. На Коммерческой улице инспектора и его подозреваемого встречала толпа лондонцев, что шумела, выкрикивая гневные ругательства в адрес человека, который не понимал, где он и что вообще происходит. Не без труда эта толпа была отгеснена от ворот, а Уильям Пигот препровожден в участок. Однако, надежды Абберлайна, что его опознают как «Кожаного фартука», не оправдались. «Нет. У того совсем другое лицо!», – заявила свидетельница, взглянув на пьянчужку. Поскольку Уильям Пигот так и не смог вразумительно ответить на вопрос, где находился в момент совершения преступления, он был задержан и оставался под стражей еще две недели, вплоть до очередного события...

Лондонцы 1880-х годов были явно не в восторге от действий своей полиции. И, кстати говоря, небезосновательно. У них накопилось немало претензий к столичным стражам правопорядка. Еще свежи были в памяти народной события «кровавого воскресенья»⁴. В последние годы участились случаи квартирных краж у лондонцев. Теперь же, после серии убийств

⁴ Так назвали в прессе разгон рабочей демонстрации на Трафальгарской площади, когда погибли люди (прим. авт.).

женщин и безуспешных попыток найти преступника, кредит доверия горожан к своей власти, похоже, был исчерпан.

10 сентября, когда сначала объявили о поимке преступника, а потом об его освобождении, жители района, кажется, убедились окончательно, что полиция не в состоянии обеспечить их безопасность, а значит, надо брать это дело в свои руки. По крайней мере, из этого исходил один предприимчивый делец, который занимался строительным бизнесом, – небезызвестный в Уайтчепеле мистер Джордж Ласк. В тот день под его председательством был сформирован так называемый «Комитет бдительности Уайтчепела», который, помимо прочего, объявил о награде за информацию о преступнике. Это была PR-акция, а, кроме того, прямой вызов столичной власти, которая не справлялась со своими обязанностями. Так, в расследование убийств в Уайтчепеле оказалась вовлечена еще одна сила, помимо полицейских и журналистов.

Пресса активно освещала деятельность Комитета бдительности Уайтчепела, и фигура Джорджа Ласка вскоре стала популярной, чего не скажешь о высокопоставленных чинах полиции Лондона...

Служба сэра Чарльза Уоррена, который с марта 1886 года был ответственен за правопорядок в столице Британской империи⁵, в последние полтора года проходила в крайне неблагоприятных условиях. Армейский генерал, не привыкший, чтобы им командовали, – тем более, гражданские лица, в особенности те, которых он не уважал, – так и не смог ужиться с новым министром внутренних дел Генри Мэтьюзом. Тот был не менее властным человеком, чем сам Уоррен, – так, что борьба между ними была неизбежна. Первым делом Мэтьюз окружил комиссара полиции своими людьми. Так, Уоррен прекрасно знал, что его помощник, ответственный за криминальную полицию, Джеймс Монро работает на Мэтьюза, однако долгое время ничего не мог с этим поделать, постоянно встречая противодействие со стороны своего подчиненного. Фактически, он утратил контроль над криминальной полицией города. И только в конце августа 1888 года сэр Чарльз отправил в отставку Монро, назначив на его место Роберта Андерсона, который, правда, был в дружественных отношениях со своим предшественником. Ситуация несколько изменилась, когда Андерсон отправился на отдых в Швейцарию, – это случилось 7 сентября, накануне убийства женщины в Спиталфилдс. Воспользовавшись удалением Андерсона из города, Чарльз Уоррен, назначил главным инспектором Дональда Сазерленда Свонсона, возложив на него общую ответственность за расследование убийств в Ист-Энде.

15 сентября из Скотланд-Ярда в Хоум Офис⁶ на имя министра Мэтьюза за подписью сэра Чарльза Уоррена было отправлено донесение следующего содержания: «Я убежден, что дело об убийстве в Уайтчепеле – это такое дело, которое может быть успешно расследовано, если к нему подойти системно. Я бы мог сказать, что и сам в состоянии в течение нескольких дней разгадать эту тайну, – при условии, если бы сосредоточился всецело на нем. Поэтому я считаю крайне важным передать всю работу центрального аппарата по данному делу в руки одного человека, который бы ни о чем другом больше не заботился.

Ни вы, ни я, ни мистер Уильямсон не можем этого сделать, поэтому я передаю это в руки главного инспектора Свонсона, который должен быть в курсе всего. Я смотрю на него, как на глаза и уши комиссара в этом конкретном деле. У него должна быть своя комната, – и каждая бумага, каждый документ, каждый отчет, каждая телеграмма должна проходить через его руки. С ним необходимо консультироваться по всем вопросам. Я бы не посылал никаких указаний по поводу этого дела, не посоветовавшись с ним. Я возлагаю на него всю ответственность...».

⁵ В его ведении находился весь город, кроме его исторического центра – Сити (прим. авт.)

⁶ Министерство внутренних дел Великобритании (МВД) – прим. авт.

Главный инспектор Свонсон добросовестно исполнял свои обязанности как «глаза и уши» сэра Чарльза Уоррена, а потому, когда 17 сентября в Скотланд-Ярд поступило письмо весьма странного содержания, он тотчас же доложил о нем своему шефу. И тогда на стол комиссара Столичной полиции легла перепачканная бумага, на которой чернилами красного цвета, будто кровью, ровным мужским почерком были написаны такие слова:

«Дорогой Начальник (Dear Boss). Итак, сейчас они говорят, что я Жид. Когда же они поумнеют (или узнают?), Дорогой старый (старший?) Начальник! Вы и я знаем правду, не так ли? Ласк может обыскать (слово с ошибкой – look forever) Ад, но никогда не найдет меня, тогда как я буду прямо под его носом все это время. Я наблюдаю, как они ищут меня, и это вызывает во мне приступы смеха (ха, ха). Я люблю мою работу, и я не остановлюсь, пока на мне не застегнут наручники. И даже тогда берегитесь вашего старого приятеля Джеки. Поймайте меня, если сможете».

После этих слов стояла подпись – «Jack the Ripper» («Джек-потрошитель»), а далее следовала приписка: «Извините за эту кровь, – она осталась с последнего раза. Какое миленькое ожерелье я подарил ей!»

Сэр Чарльз Уоррен, пробежав глазами эти строчки, изобилующие грамматическими и стилистическими ошибками, изменился в лице и, подняв взор на Свонсона, осведомился у него:

– Кто, кроме вас, еще читал это?

– Точно не знаю. Впрочем. Сотрудник, что вскрыл конверт... Но он тотчас же отнес его мне, согласно вашего приказа, – напомнил Свонсон.

Чарльз Уоррен качнул головой и, поднявшись из-за стола, прошелся по своему кабинету, а потом остановился напротив главного инспектора Свонсона и, устремив на него пристальный взор, проговорил отчетливо и с расстановкой:

– Содержание этого письма не должно выйти за пределы этого здания. Вам это понятно?

– Да, сэр, – с готовностью отозвался Свонсон.

Оставшись наедине с самим собой, Чарльз Уоррен опустился в кресло и снова просмотрел письмо. «Какое миленькое ожерелье я подарил ей!» – прочитал он еще раз, не сразу поняв, о чем идет речь. Какое ожерелье? Потом его вдруг осенила жутковатая догадка. Украшение из внутренностей, которыми убийца обложил перерезанное горло своей жертвы...

27 сентября 1888 года из почтового ящика сотрудник Центрального агентства новостей извлек запечатанный и запятнанный конверт, на котором не было ни имени отправителя, ни обратного адреса. Послание, заключенное в этом конверте и датированное 25 сентября, предназначалось некоему Начальнику (The Boss), а потому вскоре легло на стол главного редактора газеты. Он прочел такие строчки, написанные ровным почерком чернилами красного цвета:

«Дорогой Начальник! Я слышу, что полиция вот-вот поймают меня, но они пока даже не установили, кто я. Я смеюсь, когда они, пытаясь выглядеть такими умными, говорят, будто находятся на правильном пути. Та шутка с «Кожаным фартуком» по-настоящему рассмешила меня. Я всерьез взялся за шлюх и не перестану рвать их, пока на мне не застегнут наручники. Великолепной была работа в прошлый раз! Той леди я не дал и рта раскрыть. Как могут они поймать меня сейчас? Я люблю свою работу, и я хочу начать снова. Ты вскоре услышишь обо мне с моими забавными маленькими играми. Я сохранил немного красного вещества в бутылке из-под имбирного пива, что осталось со времени последней работы, чтобы писать им, но оно

загустело как клей, и я не могу использовать его. Красные чернила подойдут, я надеюсь (ха, ха). В следующий раз я отрежу леди уши и отправлю офицерам полиции, – только для забавы, если ты не против. Попридержи это письмо, пока я не сделаю чуть больше работы, и тогда дай ему прямой ход. Мой нож – такой приятный и острый, я хочу выйти на работу прямо сейчас, если бы у меня появилась возможность. Удачи. Ваш верный

Джек-потрошитель (Jack the Ripper).

Не возражаешь против этого псевдонима (trade name)?

Постскриптум. Не отправляю это письмо, пока не сведу всю красную пасту со своих рук, чтоб её. Пока безрезультатно. Сейчас они говорят, что я доктор. Ха – ха».

Главный редактор Центрального агентства новостей не решился предать огласке это письмо, не поставив в известность Скотланд-Ярд, куда оно попало 29 сентября, а в следующую ночь Джек-потрошитель снова вышел на охоту...

Глава третья. Двойное событие

Вторник. 25 сентября.

В то будничное утро паб пустовал. За последний час лишь нескольких клиентов довелось обслужить бармену. Потом в дверь вошла женщина, одетая в черную куртку. У нее был потрепанный вид. По ее щеке текли смешанные с кровью слезы. Увидев ее, бармен первым делом подумал, что она стала очередной жертвой мясника, «кожаного фартука», – в общем, того убийцы, который в последние месяцы терроризировал округу.

Женщина, присев к барной стойке, сквозь зубы процедила слово «ром» и, звонко кинув монеты, тотчас же залпом осушила стакан с обжигающей жидкостью.

Бармен пригляделся к ней. Моложавый вид, но явно за сорок. Кровь текла по ее щеке. Мочка левого уха была разорвана, словно с нее насильно сорвали серьгу. «Нет, – отмахнулся бармен от своей первой мысли. – Типичная бытовая драма. Сейчас начнет мне изливать свою душу и жаловаться на судьбу-злодейку». Сколько он уже выслушал этих историй за все то время, что простоял на этом месте!

Одного стакана рома оказалось недостаточно для того, чтобы заглушить горе. И женщина попросила еще.

– В кредит не даем! – отозвался бармен, искоса глянув на клиентку, которая, как он понял, была не в состоянии заплатить за выпивку.

Гнев сверкнул в глазах женщины, которая утерла свои слезы, а потом заискивающе проговорила:

– Я могу предложить вам свои услуги...

Осознав смысл сказанного, бармен изменился в лице, побагровел и высказал все, что он думает о таких, как она.

– Мистер, зачем же так грубо обращаться с леди? – послышался голос с заметным акцентом, принадлежащий молодому человеку, который в этот ранний час сидел за столом в самом темном углу паба. – Налейте ей, – за мой счет...

– Слава Богу, хотя бы один джентльмен нашелся! – обрадовалась «леди», наблюдая, как бармен наполняет ромом второй стакан. Она осушила его до дна, а потом поднялась со своего места и нетвердой поступью сделала несколько шагов к выходу, но вскоре остановилась, – чуть поодаль от того места, где сидел незнакомец.

– Мистер, я вам обязана. Как ваше имя? Скажите, чтобы я могла знать его! – выдавила она из себя чуть заплетающимся языком.

– Вы можете звать меня Дэвид. Дэвид Коэн, – представился незнакомец, – он встал из-за стола и отодвинул стул, тем самым, приглашая ее сесть напротив. Женщина тотчас приняла это приглашение и, приглядевшись, проговорила:

– Вы очень галантный кавалер, Дэвид. Но мне ваше лицо как будто знакомо. Мы раньше не встречались?

– Возможно, – отозвался тот. – Я вижу, вы поранены. Позвольте предложить вам одно очень хорошее средство...

– Вы что, доктор? – удивилась женщина, когда увидела склянку, вынутую из саквояжа.

– В некотором роде, – усмехнулся молодой человек. – Вы мне позволите? – сказал он, давая понять, что хочет сделать.

– А это, случайно, не яд? – недоверчиво проговорила женщина. Ее слова только рассмешили его, – тогда, после некоторого колебания она позволила ему прикоснуться к своему поврежденному уху. Пахучая мазь вскоре подействовала и принесла облегчение, а потом и вовсе сняла боль.

Ощувив эффект от действия мази, женщина в восторге воскликнула:

– Вы просто волшебник, Дэвид!

– Ну, что вы? – возразил молодой человек. – Это просто восточная медицина! Так, кто же с вами сотворил такое?

Его вопрос заставил женщину вспомнить о пережитом, и она опять всплакнула, почувствовав непреодолимое желание выговориться. То, что привык выслушивать бармен, выплеснулось теперь на этого молодого человека, ее нового знакомого. Тот, затаив улыбку в уголках губ, внимательно слушал слова несчастной женщины.

– Десять лет назад у меня была прекрасная семья, заботливый муж и девять очаровательных деток. Нашему счастью, казалось, не будет конца. Но в один ужасный день все изменилось. И зачем только мы сели на тот злосчастный пароход?! – убивалась она, всхлипывая, и, утерев слезы, пояснила. – Пароход «Принцесса Элис», – тот самый, который десять лет назад вышел в плавание по Темзе и столкнулся с баржей, груженной углем. Как сейчас помню этот миг! Муж и дети погибли сразу. Я еще боролась за жизнь. Но другие пассажиры – тоже. Один из них в борьбе за спасательный круг ударил меня по лицу, – при этом она широко раскрыла рот и, показав отсутствие нескольких зубов, продолжала. – После покойного мужа я больше не встречала достойных мужчин, – один был хуже другого. Каждый думал только о себе...

Женщина со слезами на глазах поведала ему историю своей жизни, которую сама же и придумала. На самом же деле, Элизабет Страйд, или «Долговязая Лиз», как ее все называли, была проституткой с двадцатилетним стажем. Правда, у нее и, в самом деле, был муж, и он умер, но вовсе не во время кораблекрушения, а, заболев чахоткой. Она же, когда узнала о болезни мужа, просто бросила его. В последние годы Долговязая Лиз жила с портовым рабочим по имени Майкл Кидни, – они делили одну комнату на двоих в ночлежном доме на Дорсет-стрит. Теперь же они поругались, и в приступе ярости он сорвал с ее уха сережку, которую когда-то сам и подарил. Со второй серьгой женщина рассталась уже добровольно, бросив ее в лицо своего сожителя, после чего, громко хлопнув дверью, ушла из дома. По своему обыкновению Долговязая Лиз направилась напрямиком в паб, чтобы залить горе ромом. Там она и столкнулась с этим галантным кавалером, который был не только щедр, но еще и знал толк в медицине, а, кроме того, оказался благодарным слушателем. В общем, в тот день они поняли друг друга, – по крайней мере, ей так казалось, – а потом, на второй встрече, он предложил ей провести вместе выходные.

Суббота. 29 сентября. 20:30

Констебль Робинсон из полиции Сити, совершающий регулярный обход, шел по Хай-стрит, Элдгейт, когда заметил людей, толпящихся возле тротуара. Это собрание привлекло его внимание. При приближении полицейского люди тотчас расступились в стороны. И его взор упал на женщину, которая лежала на тротуаре и храпела на всю округу. Он приблизился к ней и попытался ее разбудить. Но не тут-то было. Женщина только громче захрапела. Констебль остановился в нерешительности, не зная, что делать.

– Кто-нибудь знает эту женщину? Откуда она? – осведомился полисмен, обводя глазами собравшихся на улице. Но ответом ему была гробовая тишина. Люди только улыбались. Констебль, пытаясь привести в чувства мертвецки пьяную незнакомку, от которой за милю несло перегаром, приподнял ее с тротуара и перетащил к стене дома №29. Однако, едва он отпустил ее, как она повалилась на тротуар и продолжила спать, как ни в чем не бывало. Это зрелище весьма позабавило публику. Все дружно рассмеялись. Констебль же, красный от гнева, велел толпе расходиться и, увидев своего сослуживца, подозвал его, чтобы тот помог дотащить женщину до участка, что на Бишопсгейт-стрит. Там, в камере, за решеткой, она впервые открыла глаза и непонимающе уставилась на полицейских.

– Как вас зовут? – осведомился констебль, что приволок ее в участок. – Ничего (Nothing), – отозвалась та и снова провалилась в сон. Полисмены ушли, оставив ее в камере.

Констебль Джордж Хатт, тюремщик Сити, пришел на дежурство в десять вечера. В камере он нашел только одну эту пьяную женщину. В течение следующих двух часов Джордж Хатт дважды проходил по коридору и всякий раз находил ее все еще крепко спящей. В первом часу ночи женщина проснулась, – до слуха тюремщика донеслись звуки ее пения. Через пятнадцать минут, в 12:30, она позвонила в колокольчик, давая о себе знать. И при появлении тюремщика спросила, когда ей разрешат уйти.

– Когда ты сможешь о себе позаботиться, – мрачно отозвался констебль Хатт.

– Я уже в состоянии это сделать, – ответила она. Но тот, видимо, был иного мнения. Прошло еще минут двадцать, когда тюремщик выпустил ее из-под стражи.

Ключ лязгнул в замке, и, отворяя решетчатую дверь камеры, констебль Хатт сказал: «Прошу на выход, миссис!».

– А как, кстати, тебя зовут? – спохватился он, вспомнив, что должен заполнить документы. – И где ты живешь?

– Мэри Энн Келли из дома № 6 по Fashion Street, – на ходу развязно выдала женщина. – А который час? – спросила она, следуя по коридору к выходу.

– Достаточно поздно, чтобы ты больше не пила, – заметил констебль Хатт. – Иначе снова окажешься за решеткой...

– Я чертовски хорошо спрячусь, когда вернусь домой, – вздохнула она, открывая дверь. – Так, что ты меня больше не увидишь...

– Я верно вам служил, – съязвил констебль Хатт. – Запомни – ты не должна напиваться. И, – добавил он. – Закрой за собой дверь.

– Хорошо, – прошептала она. – Спокойной ночи, старый петух.

Мэри Энн Келли, – так назвалась эта женщина, выходя из полицейского участка на Бишопсгейт-стрит, Сити. На самом деле, ее звали Кэйт, точнее, Кэтрин Эддоус. Впрочем, фамилия Келли ей тоже была хорошо знакома, – это «последнее имя»⁷ ее сожителя, с которым она рассталась накануне днем. Уличная торговка, которая официально никогда не была замужем, но при этом имела двоих детей – от ее первого сожителя, мистера Конвея. Со вторым, мистером Келли, она прожила семь лет, что называется «душа в душу». Впрочем, это не помешало ей бросить и этого своего «гражданского мужа», – едва на горизонте появился новый ухажер. Молодой и, что главное, с деньгами. Этот человек дважды снимал для нее номер в гостинице. Однако, как ни странно, за все то время он так ни разу и не притронулся к ней, удовлетворяя свою нужду на пол (и однажды даже запачкал ее шейный платок). В остальное время он любил слушать, как она поет, – при этом хвалил ее пение, но однажды обмолвился об «одной знакомой, которая поет лучше». Эти слова тотчас же воспламенили ревность в сердце женщины, и она принялась расспрашивать своего кавалера об этой знакомой. Тот нехотя сказал, что ее зовут «Мэри Энн Келли».

Теперь же это было первое имя, которое пришло на ум Кэтрин Эддоус, – при прощании с тюремщиком. Покинув полицейский участок, она шагнула в темноту и двинулась в сторону улицы Хаундсдич, где жил Джон Келли, но по пути вспомнила, что накануне сказала ему «прости, прощай», – правда, сделала это, как умеет только женщина, которая, жалея мужчину, не говорит прямо о том, что бросает его. Тогда она сказала, что уедет на некоторое время в Бермондси, в гости к своей дочери Энни. Потом Кэйт вспомнила, что обещала своему новому

⁷ По-английски- last name (прим. авт.).

ухажеру провести с ним выходные и сменила курс, двинувшись в противоположную сторону, – к Митр-сквер, где они условились встретиться...

В прошлый раз он дал ей некоторую сумму, но она потратила все деньги в субботу днем на выпивку. Дело в том, что расставание с Келли, с которым она прожила столько лет, далось ей нелегко, и, будучи женщиной крайне жалостливой, Кэтрин тотчас же направилась в паб и напилась там до того, что начала плясать на столе, смущая посетителей. И танцевала так до тех пор, пока хозяин заведения со своим помощником не выпроводили ее на улицу. И вскоре она оказалась на Хай-стрит, Элдгейт возле дома под номером 29, где устроила целое представление, собрав вокруг себя немалую толпу, а потом, поклонившись, завалилась спать, – прямо там, на тротуаре, где ее и нашел констебль Робинсон из полиции Сити...

Суббота. 29 сентября. 23:00

Небо хмурилось весь день, а, когда стемнело, хлынул ливень. Двое мужчин, шедших по мощеной камнем лондонской улице, попали под дождь и попытались укрыться от него под сводами арки жилого дома. Однако, это место оказалось уже занятым. Там эти двое наткнулись на какую-то парочку. Мужчина, ростом 5 футов и 5 дюймов, стоял спиной к ним, обнимая за плечи женщину. Они увидели только лицо этой женщины, одетой в черную куртку и шляпку из крепа. Желая поглумиться над ней, один из них прокричал:

– Берегись, а вдруг это «Кожаный фартук», готовящийся тебя убить!

Быстро, как выстрел, странная парочка снялась с места и тотчас исчезла в пелене дождя, а двое мужчин проводили их громким смехом.

Примерно через полчаса эта же парочка была замечена уже на другой улице – Бернер-стрит. И хотя описания очевидцев несколько разнятся, что вполне объяснимо, учитывая темное время суток и ненастную погоду, это были те же самые мужчина и женщина. Рабочему, жившему на той улице, лучше удалось рассмотреть мужчину, – по крайней мере, он впоследствии достоверно описал, во что тот был одет: маленькое черное пальто с вырезом, темные брюки и круглая кепка с небольшим матросским козырьком. Именно этот головной убор навел на мысль, что мужчина имеет отношение к флоту. Моряк, матрос? Большой вопрос!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.